

Д.П. Новиков

Политика Индии в Центральной Азии: структурная роль и возможный вклад в развитие системы региональной безопасности

Аннотация. Современная политика Индии при правительстве Нарендры Моди претерпевает достаточно серьезные изменения, характеризуясь выдвиганием новых инициатив и повышением активности на разных направлениях. Одним из таких направлений является Центральная Азия, занимающая во внешней политике Нью-Дели все более важное место и в силу стратегического значения, и как источник экономических ресурсов. Между тем трансформацию переживает обстановка внутри и вокруг Центрально-Азиатского региона. Происходящие в последние годы геополитические изменения повышают интерес стран Центральной Азии к развитию сотрудничества с крупными внерегиональными игроками и их включению в качестве дополнительных опор системы международной безопасности в регионе. Данная статья анализирует эволюцию роли Индии в системе безопасности Центральной Азии и исследует вклад Нью-Дели на этом направлении.

Ключевые слова: Индия, Центральная Азия, региональная безопасность, ШОС, ОДКБ.

Автор: *Новиков Дмитрий Павлович*, кандидат политических наук, заместитель руководителя Департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0003-3066-7044. E-mail: dp.novikov@hse.ru

Dmitry P. Novikov

India's Policy in Central Asia: Structural Role and Possible Contribution to the Development of the Regional Security System

Abstract. The current policy of India under the government of Narendra Modi is undergoing quite serious changes, characterized by the advancement of new initiatives and increased activity in various fields. One of these areas is Central Asia, which occupies an increasingly important place in New Delhi's foreign policy due to its strategic importance and economic capacity. Meanwhile, the situation in and around Central Asia is undergoing a transformation. The geopolitical changes that have taken place in recent years have increased the interest of Central Asian countries in developing cooperation with major extra-regional actors and including them as additional pillars of the international security system in the region. This article analyzes the evolution of India's role in the Central Asian security system and examines New Delhi's contribution in this area.

Keywords: India, Central Asia, regional security, SCO, CSTO.

Author: Dmitry P. Novikov, Candidate of Political Sciences, Deputy Head of the Department of International Relations at the National Research University Higher School of Economics, Leading Researcher at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3066-7044.
E-mail: dp.novikov@hse.ru

Постановка проблемы: внерегиональные игроки в системе региональной безопасности Центральной Азии

В настоящий момент сложившаяся в Центральной Азии система региональной безопасности сталкивается с новыми вызовами и значительными трансформациями. Их главным источником является стремительное изменение внешней среды, связанное как с ускорением долгосрочных структурных трендов, так и с конкретными событиями и политическими изменениями последних лет.

Главным внешним мегатрендом, определяющим развитие системы региональной безопасности, был и остается процесс слома однополярного международного порядка и изменение баланса сил на глобальном и региональном уровнях. Непосредственным результатом этого тренда является увеличение внешних и внутренних вызовов политической стабильности стран региона на фоне усиления негосударственных угроз безопасности и обострения геополитического противостояния вокруг и в пространстве Центральной Азии [Исакова, 2014]. При этом важной частью данного процесса является трансформация стратегической роли старых и появление новых значимых внерегиональных игроков. К относительно новым факторам можно отнести и Индию, чье политическое и экономическое присутствие в Центральной Азии в последние годы заметно усилилось [Мухидинова, 2015].

Трансформация роли внерегиональных игроков и их вклада в систему региональной безопасности в Центральной Азии носит весьма разнонаправленный характер. Одним из ключевых факторов является изменение структурной роли США. Политика Вашингтона традиционно оказывала неоднозначное влияние на региональную безопасность. Присутствие американских войск в Афганистане было направлено на поддержание статуса-кво в стране и должно было сдерживать рост экстремизма в регионе. В то же время именно американская политика борьбы с террором на Ближнем Востоке и в Центральной Азии зачастую приводила к усилению и институционализации террористических группировок и движений, оказывала деструктивное влияние на региональную безопасность [Кокошин, Кокошина, 2022].

Постепенное свертывание американского военного присутствия в 2010-е гг., а затем и полный вывод войск из Афганистана в 2021 г. трансформировали роль США из во многом определяющей динамику региональной безопасности во второстепенную. При этом усиление российско-западной и российско-американской конфронтации после 2022 г. создает предпосылки для усиления деструктивных тенденций в американской политике в регионе, что проявляется в стремлении ослабить позиции Москвы и даже демонстрирует определенную заинтересованность Вашингтона в дестабилизации региона [Гарбузарова, 2023].

Эта достаточно фундаментальная трансформация роли США может стать одним из важных вызовов для международной безопасности и стабильности в Центральной Азии.

Начало Специальной военной операции в 2022 г. также является безусловно важным фактором для развития региональной безопасности, причем не только в контексте усиления российско-западного противостояния. Вызванная ею «геополитическая тряска» побуждает страны Центральной Азии упрочнить свое положение за счет еще большей диверсификации политических и экономических связей и развития новых партнерств.

Еще одним фактором, требующим эластичной адаптации системы региональной безопасности, является усиление внерегиональных игроков и их превращение в органично включенные элементы безопасности в Центральной Азии. Интеграция соседей в систему безопасности Центрально-Азиатского региона, протекающая как по линии двустороннего сотрудничества, так и на многосторонних площадках (прежде всего Шанхайской организации сотрудничества), носит по большей части позитивный характер и, по мнению многих специалистов, способна оказать гармонизирующее воздействие на систему региональной безопасности [Муратшина, 2018].

В этих условиях заметно стремление стран Центрально-Азиатского региона развивать партнерства с условно «новыми» внерегиональными игроками, выходящими за рамки непосредственного соседства (Россия, Китай) и давно и прочно присутствующих в регионе США. В данном контексте Индия представляется одним из наиболее интересных потенциальных партнеров. Это связано как с поступательным ростом ее роли в центральноазиатской системе безопасности, так и с довольно специфической ролью, которую Нью-Дели стремится играть в регионе.

Эволюция политики Индии в отношении Центральной Азии

Активизация центральноазиатского направления политики Нью-Дели произошла в последнее десятилетие, приняв особенно четко выраженную форму при правительстве Нарендры Моди. До 2010-х гг. Центральная Азия оставалась в значительной степени на периферии внимания индийской дипломатии, хотя в Нью-Дели неизменно подчеркивали важность этого региона в силу географической близости и тесных исторических связей. Вскоре после распада СССР была выдвинута концепция «Смотри на Север» (Look North), в рамках которой стало заметно стремление Нью-Дели играть значимую роль в политическом, экономическом и логистическом включении Центральной Азии в региональные и мировые процессы [Ghosh, 2022]. Индийское руководство стремилось выстроить политический диалог с новообразованными постсоветскими государствами Центральной Азии, активно развивая идею о глубоких исторических и культурных связях Индии с этим регионом. В 1993 г. премьер-министр Индии Нарасимха Рао (1991—1996) совершил первый визит в регион, посетив Узбекистан и Казахстан, а в 1995 г. он посетил Туркменистан и Кыргызстан.

Уже в ходе первых лет оформления индийской политики в отношении Центральной Азии проявились и ее ключевые двигатели и приоритеты. Ими стало, во-первых, стремление обеспечить безопасный внешний контур для поступательного развития. В этом смысле обеспокоенность Индии традиционно вызывала ситуация в Афганистане и возможность его превращения в источник экстремизма и нестабильности с перспективой их распространения на соседние страны, особенно после прихода к власти движения «Талибан» (запрещено в РФ) в 1996 г. Определенные опасения в этой связи вызывала и ситуация в странах Центральной Азии, особенно на фоне гражданской войны в Таджикистане, начавшейся вскоре после обретения страной независимости. Вторым стратегическим приоритетом и драйвером индийской политики была и остается заинтересованность в энергетической и сырьевой базе региона, которая с точки зрения Нью-Дели может сыграть важную роль в обеспечении энергетической безопасности страны. По мере развития и самой Индии, и ситуации в регионе значение обоих факторов только возрастало.

Однако установившиеся с начала 1990-х гг. довольно благоприятные политические отношения долгое время практически не конвертировались в конкретные инициативы и проекты, которые могли бы прочнее интегрировать Индию в международную систему региона. Ключевым ограничителем наращивания экономической базы и увеличения вовлеченности Индии в региональное развитие был и остается недостаток транспортно-логистической инфраструктуры, связанный как с политическими, так и с чисто географическими обстоятельствами. Незначительный, как следствие, товароборот (например, в 2010 г. суммарно со всеми странами региона он составлял не более 500 млн долл.) делал центральноазиатские республики для Нью-Дели далеко не самыми приоритетными партнерами с точки зрения развития экономического сотрудничества [Захаров, Посохина, Поляков, 2018]. Как следствие, в определенном смысле «провисала» и дипломатическая активность.

В этой связи наиболее значимые инициативы по развитию сотрудничества с Центральной Азией в 2000-е гг. были направлены именно на преодоление этого «логистического разрыва» и создание инфраструктуры для наращивания физической торговли. Так, пожалуй, наиболее амбициозной геоэкономической инициативой с участием Индии, которая затрагивала регион Центральной Азии в 2000-е гг. (первые обсуждения приходились еще на конец 1990-х гг.) стало создание международного транспортного коридора «Север—Юг», призванного логистически соединить северную (Россия) и южную (Индия) части евразийского континента. Другим важным проектом-«долгостроем» стала инициатива строительства газопровода «Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия» (ТАПИ). Разговоры об этом проекте под эгидой Азиатского банка развития начались еще в 1990-х гг. [Asian Development Bank, 2018], на начальном этапе преимущественно с участием Туркменистана и Пакистана, однако в 2000-е гг. Нью-Дели также начал проявлять к нему повышенный интерес. Для Индии проект ТАПИ стал одним из ключевых, так как гипотетически позволял удовлетворить растущие потребности в энергетике за счет выстраивания устойчивых долгосрочных связей посредством сухопутных маршрутов [Burna-Asefi, 2022].

Главным ограничителем на пути реализации этих и других инициатив оставались (и во многом остаются) неблагоприятные политические обстоятельства. Нестабильная ситуация в Афганистане, обострившаяся в связи с американским вторжением в 2001 г., а также некоторые другие факторы (введение международных санкций против Ирана, сложности пакистано-индийских отношений) сделали любые экономические, в особенности логистические проекты в направлении региона Центральной Азии слишком высокорисковыми [Warikoo, 2016]. Как следствие, внимание региональных игроков, в том числе Индии, было отцентровано на решение вызовов, связанных с терроризмом и обеспечением региональной безопасности, а также обсуждение проблем развития Афганистана. В этих условиях, сохраняя осторожность, Нью-Дели поначалу не выдвигал собственных инициатив по укреплению региональной безопасности или специальных диалоговых форматов со странами Центральной Азии. Сравнительно невысокая интенсивность политического диалога отражалась и на частоте и географии визитов: в 2000-е гг. премьер-министр Манмохан Сингх совершил лишь два визита в регион — в 2006 г. в Узбекистан и в 2009 г. в Таджикистан. Обе страны граничат с Афганистаном и именно «сверка часов» по афганскому вопросу являлась фокусом диалога и основным предметом заинтересованности Нью-Дели [Mishra, 2015].

Заметная активизация индийской дипломатии в Центральной Азии пришла уже на последние годы правления Манмохана Сингха. В конце 2000-х Индия нарастила свое участие в проекте ТАПИ, присоединившись к консорциуму по созданию газопровода. В 2010 г. в ходе саммита стран-участниц строительства газопровода ТАПИ в Ашхабаде было подписано четырехстороннее межправительственное соглашение по реализации проекта, которое рассматривалось в Нью-Дели как один из ключевых логистических проектов на континенте [Mehdudia, 2018]. Деятельное присоединение Индии к инициативе отражало увеличение потребности индийской экономики в энергоресурсах. ТАПИ активно поддерживается и сменившим Сингха Нарендрой Модии, однако его реализация тормозится в связи со сменой власти в Афганистане и традиционными сложностями в отношениях Нью-Дели и Исламабада.

Более зримым направлением энергетического сотрудничества стало партнерство в области развития гражданской атомной энергетики. В 2009 г. Индия и Казахстан подписали соглашение о поставках более двух тысяч тонн урана в Индию до 2014 г. В 2011 г. во время визита премьер-министра Манмохана Сингха в Казахстан стороны закрепили партнерство в сфере развития атомной энергетики, подписав Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования урана. Активизация энергетической дипломатии отражала усиливающуюся потребность быстрорастущей индийской экономики в энергоресурсах, что стало одним из ключевых лейтмотивов возрастающей вовлеченности Индии в дела региона. В особенной мере Нью-Дели интересовала организация стабильных, основанных на долгосрочных контрактах, поставок энергоресурсов и сырья по сухопутным маршрутам [Burna-Asefi, 2022].

В 2012 г. Индия выдвинула первую комплексную инициативу «Соединяя Центральную Азию» (Connect Central Asia), ориентированную специально на

страны региона. Новое видение Нью-Дели выражалось в двух аспектах. Во-первых, оно предполагало более унифицированный подход к Центральной Азии как единому региону, а не только развитие отношений преимущественно на двусторонней основе, к чему индийская дипломатия тяготела до этого. Во-вторых, характерной была широта охвата направлений сотрудничества: предполагалось качественное усиление взаимосвязей (connectivity) с Центральной Азией «в области политики, безопасности, экономических и культурных связей» — всего было оглашено 12 направлений [Government of India Ministry of External Affairs, 2012]. По сути Индия объявила об амбициозном намерении по комплексному усилению своего присутствия в регионе почти во всех сферах, начиная с образования и студенческих обменов, заканчивая расширением деятельности индийских банков в странах Центральной Азии.

На практике одним из главных направлений политики Нью-Дели стала активизация усилий по преодолению «логистического разрыва» как за счет реанимации и развития старых инициатив (транспортный коридор «Север — Юг», ТАПИ), так и путем развития новых направлений для укрепления взаимодействия. В частности, была выдвинута инициатива по усилению взаимосвязей в цифровой сфере, включая развитие в Центральной Азии цифровых сервисов (например, в области телеобразования и телемедицины) с опорой на Индию как источник технологических решений и технический хаб.

При этом в Нью-Дели считали необходимым существенное наращивание стратегических взаимосвязей и сотрудничества в области безопасности. Эту сферу предлагалось наполнить расширением практики совместных военных учений, углублением сотрудничества в области борьбы с терроризмом и наркотрафиком, а также консультациями по Афганистану. Однако до второй половины 2010-х гг. эта область сотрудничества сохранялась преимущественно в двустороннем формате.

Активизируясь на центральноазиатском направлении, индийская дипломатия стремилась найти и соответствующие площадки для закрепления и дальнейшего продвижения своих инициатив. Особенностью подхода Нью-Дели являлось стремление вписаться в достаточно пеструю институциональную среду региона и уже существующие многосторонние форматы (что резко отличало Индию от, например, США, по большей части просто игнорировавших существующую в регионе политическую инфраструктуру или Турции, стремившейся создавать и продвигать свои форматы, развиваемые вокруг идей пантюркизма). Наращивание взаимосвязей с Центральной Азией предполагалось осуществлять в том числе с опорой на Шанхайскую организацию сотрудничества, Таможенный союз и Евразийское экономическое сообщество. В частности, Нью-Дели выдвинул инициативу о заключении всеобъемлющего экономического соглашения с Таможенным союзом (в настоящий момент — Евразийский экономический союз) с перспективой его трансформации в зону свободной торговли.

В целом, активизацию индийской политики в отношении Центральной Азии в 2010-х гг. можно связать со следующими факторами:

1) общее усиление значимости Индии как регионального игрока и расширение внешнеполитических приоритетов Нью-Дели. В 2010-е гг. индийское руко-

водство начало постепенно переосмысливать подходы к обеспечению собственных интересов в области экономики и безопасности, все больше рассматривая их через призму проактивного формирования благоприятной для Индии внешней среды. Эта тенденция особенно проявилась в подходе правительства Нарендры Моди;

2) начало постепенного исхода американского присутствия из Афганистана. К началу 2010-х стало вполне очевидно, что свертывание военного присутствия США является вопросом времени. Это предопределило необходимость эластичной адаптации к новым геополитическим условиям, то есть — выработки новой, более активной политики Индии в Центральной Азии, а также в отношении Афганистана для обеспечения собственной безопасности;

3) стремление балансировать усиливающуюся экономическую и политическую роль Китая, а также некоторых других игроков (Турция, ЕС) в Центральной Азии и Евразии в целом, в том числе через активизацию участия в развивающихся вокруг региона многосторонних форматах, а также развитие стратегического партнерства с Россией;

4) увеличивающаяся потребность растущей экономики Индии в энерго- и минеральных ресурсах, таких как газ, нефть и уран для обеспечения работы атомных станций и других объектов энергетики. По этой причине Центральная Азия стала привлекательным партнером с точки зрения обеспечения энергетической безопасности Индии;

5) развитие стран Центральной Азии, растущий интерес индийского бизнеса к региональному рынку и в целом к развитию экономического сотрудничества. Страны региона стали восприниматься не только как логистический хаб, но и как самоценные экономические партнеры.

Все эти обстоятельства делали расширение присутствия Индии в Центральной Азии объективным процессом, а не инициативой конкретного правительства. При этом в начале 2010-х гг. регион только оформлялся для Нью-Дели в качестве стратегического направления внешней политики. Характерно, например, что официальное выдвижение инициативы Connect Central Asia было озвучено занимавшим пост «младшего министра» по иностранным делам Е. Ахмедом¹, а не главой правительства или МИДа. То есть, несмотря на амбициозность выдвигаемых инициатив и попытку переосмыслить подход к Центральной Азии, регион все еще инерционно воспринимался в Нью-Дели как важное, но все же не первостепенное направление политики.

Пришедший к власти в 2014 г. Нарендра Моди продолжил начинания предшественника. Он активно поддержал политику Connect Central Asia, сделав реализацию заложенных в нее инициатив одним из своих внешнеполитических приоритетов [Chagan, 2015]. При нем существенно повысился уровень политического взаимодействия. Так, уже в 2015 г. новый премьер-министр посетил все пять государств Центральной Азии — невиданный до этого уровень активности Нью-Дели в регионе. В 2018 г. большое турне по странам Центральной Азии со-

¹ В правительстве Сингха Е. Ахмед являлся «ответственным» за Ближний Восток и Центральную Азию.

вершила и глава МИД Сушма Сварадж. Усиление политико-дипломатической активности было направлено на еще большее вовлечение Индии в дела региона. Ключевыми драйверами индийской политики по-прежнему выступали интересы в сфере энергетики и сырьевых поставок, а также стремление выстроить транспортно-логистические связи. Все это определяло и взгляд Индии на проблемы региональной безопасности.

Правительство Моды активизировало усилия по продвижению проектов международного транспортного коридора «Север—Юг» и ТАПИ. Реализация последнего получила в последние годы некоторое развитие — в 2019 г. было завершено строительство туркменского участка газопровода, а с 2018 началась прокладка газопровода на афганском участке. Однако приход в 2021 г. к власти движения «Талибан» фактически заморозил проект [Putz, 2021].

Сложности в пакистано-индийских отношениях и нестабильная ситуация в Афганистане сподвигли (и продолжают сподвигать) Нью-Дели искать альтернативные маршруты для обеспечения логистической связи с регионом Центральной Азии. Одним из важных направлений в последние годы стало сотрудничество с Ираном в области развития транспортно-логистической инфраструктуры, ориентированной на укрепление взаимосвязей с Центральной Азией. В 2016 г. Индия и Иран подписали соглашение о расширении порта Чабахар, который стал активно позиционироваться Нью-Дели как ключевой логистический хаб и по сути «ворота в Индию» для государств Центральной Азии. В индийской деловой столице Мумбаи устраивались целые «дни Чабахара», направленные на популяризацию порта как перевалочного пункта для развития торговли с Индией. В 2022 г. глава индийского МИД Субраманьям Джайшанкар официально предложил включить Чабахар в проект по развитию международного транспортного коридора «Север—Юг» [Chaudhury, 2022]. Во многом чтобы облегчить развитие торговли по иранскому маршруту, в 2017 г. Нью-Дели присоединился к Таможенной конвенции по международной перевозке грузов 1975 г. [UNTC, 1975].

Одновременно с этим Нью-Дели не отказывался от участия и поддержки других проектов по развитию транспортно-логистической инфраструктуры между Индией и регионом Центральной Азии. В 2018 г. Индия присоединилась к Ашхабадскому соглашению. Данное соглашение было подписано в 2011 г. между Узбекистаном, Туркменистаном, Ираном и Оманом (в 2016 г. к соглашению также присоединился Пакистан, а в 2018 г. вместе с Индией — Казахстан) и предполагало создание международного транспортного и транзитного коридора по маршруту «Китай—Центральная Азия—Южный Кавказ—Турция». Такая конфигурация скорее отражала интересы Пекина по развитию логистической связи по линии Запад—Восток. Готовность Нью-Дели включаться в схему, несколько противоречащую продвигаемой им самим логике развития транспортно-логистической инфраструктуры (прежде всего по линии Север—Юг), отражала намерение индийского руководства включаться в любые крупные проекты, которые гипотетически были способны преодолеть «логистический разрыв» между Индией и Центральной Азией. Впрочем, как и в случае с другими инициативами такого рода, реализация Ашхабадского соглашения также «забуксовала».

Параллельно с этим правительство Моди предпринимало попытки по стимулированию экономического сотрудничества посредством устранения торговых и таможенных барьеров. В 2015 г. между Индией и ЕАЭС была создана рабочая группа по анализу заключения соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) [Анон, 2015]. Однако, несмотря на декларированную заинтересованность в таком соглашении с обеих сторон, формальные переговоры о создании ЗСТ «Индия—ЕАЭС» пока так и не были начаты.

Пожалуй, наиболее успешным направлением развития экономического сотрудничества с регионом продолжило оставаться партнерство в области гражданской атомной энергетики. Правительство Моди продолжило развивать сотрудничество со странами Центральной Азии в этой сфере. В 2015 г. Индия и Казахстан подписали новое соглашение о покупке 5000 тонн казахстанского урана [Казатомпром, 2015]. К настоящему моменту Казахстан обеспечивает почти 80 % потребностей индийской атомной промышленности в уране [Сериков, 2019]. В 2019 г. Индия также подписала соглашение о поставках урана с Узбекистаном. Таким образом, Центральная Азия играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Индии в сфере атомной электроэнергии.

Вместе с тем, несмотря на активные усилия Нью-Дели и большую заинтересованность стран Центральной Азии в развитии экономического сотрудничества, реальные успехи на этом направлении все же остаются сравнительно скромными. К настоящему моменту ни одна из крупных инфраструктурно-логистических инициатив (транспортный коридор «Север—Юг», ТАПИ, Ашхабадское соглашение) не просто не реализована, но фактически не находится в активной фазе реализации, хотя в последнее время и наблюдается новый всплеск интереса к их развитию. Так, российские и индийские официальные лица снова активно заявляют о необходимости создания транспортного коридора «Север—Юг» [Правительство России, 2023]. В ходе заседания межправительственной комиссии в апреле 2023 г. российский сопредседатель министр промышленности и торговли Д. Мантуров заявил также о необходимости вернуться к обсуждению соглашения о ЗСТ «Индия—ЕАЭС» [Новости Ассоциации, 2023]. Логистические проблемы и отсутствие соглашения о ЗСТ остаются одним из ключевых ограничителей для развития торгово-экономического сотрудничества. Товарооборот между Индией и регионом Центральной Азии хоть и продемонстрировал значительный рост за последнее десятилетие, все равно невелик. В настоящий момент он составляет около 1,5 млрд долл., что в три раза больше десятилетия раньше, однако едва ли идет в какое-то сравнение с показателями соседей [Захаров, Посохина, Поляков, 2018].

На этом фоне гораздо большие успехи по укреплению связей с регионом были достигнуты в области политического диалога и сотрудничества в сфере безопасности, чему способствовала активность самого Нью-Дели на этом направлении. Прекрасно понимая свое отставание в области развития экономического сотрудничества, правительство Моди сделало ставку на расширение и институционализацию форматов политического диалога и укрепление роли Индии как одного из ключевых партнеров региона в области безопасности. В 2018 г. Индия стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества

(ШОС), что способствовало институционализации ее роли как одного из ключевых партнеров по диалогу в области региональной безопасности. При этом индийская внешнеполитическая экспертиза и пресса стали активно позиционировать Индию как определенный противовес России и Китаю, делающий ШОС более сбалансированной организацией¹. Председательство Индии в ШОС в 2023 г. преподносилось индийским руководством внутри и вовне страны как одно из важнейших политических событий, что подчеркивает особое значение организации для Нью-Дели и его региональной политики.

Правительство Моди также предприняло усилия по развитию прямого многостороннего диалогового формата с Центральной Азией. Одной из ключевых инноваций на этом направлении стало создание специального диалогового формата «Индия—Центральная Азия», что являлось продолжением логики, заложенной в политике Connect Central Asia, и подразумевало развитие общерегионального подхода, а не только двусторонних связей. Новый диалоговый формат предполагал периодические встречи на уровне глав внешнеполитических ведомств (к настоящему моменту состоялось уже три таких встречи, первая прошла в 2018 г.), а также на уровне советников по национальной безопасности — секретарей советов безопасности государств-участниц диалогового формата.

В 2022 г. состоялся первый саммит «Индия—Центральная Азия», приуроченный к 30-летию установления дипломатических отношений. Главными результатами саммита стало, по сути, углубление институционализации самого этого формата. Так, была достигнута договоренность о проведении каждые два года саммитов высокого уровня, которые должны дополняться периодическими встречами на уровне глав МИД, секретарей советов безопасности и министров торговли. Под новый диалоговый формат фактически был создан секретариат в виде Центра «Индия—Центральная Азия», базирующегося в Нью-Дели. Также была сформирована постоянная рабочая группа по обсуждению Афганистана, ситуация внутри и вокруг которого приобрела особую важность после возвращения к власти талибов в 2021 г.

Нью-Дели стремился дополнить развитие диалоговых форматов некоторыми конкретными инициативами в области экономического и гуманитарного сотрудничества. В плане развития экономического сотрудничества была принята дорожная карта по наращиванию торговли. Гуманитарные инициативы Нью-Дели были связаны с противостоянием пандемии и распространением на регион Центральной Азии инициативы «Одна Земля, одно здоровье» [The Prime Minister of India, 2023]. Однако индийская вакцинная дипломатия главным образом ограничилась взаимным признанием прививочных сертификатов и рядом проектов в области совместных медицинских исследований и разработок [Щедров, 2022].

На этом фоне прошедший саммит продемонстрировал некоторую ограниченность возможностей Индии на центральноазиатском направлении, особенно с точки зрения использования экономической дипломатии. Буквально за считанные дни до саммита пяти центральноазиатских стран с Индией прошел сам-

¹ См например: [Pant, 2023] India's Struggle Within The SCO | ORF (orfonline.org); Shanghai Cooperation Organisation: Significance for India on JSTOR.

мит «Китай—Центральная Азия». Характерно, что данный саммит, также приуроченный к 30-летию отношений, судя по всему, готовился в спешке и преследовал целью оттенить соответствующее мероприятие, проводимое Индией. В ходе встречи лидер КНР Си Цзиньпин объявил о безвозмездном выделении странам региона 50 млн вакцин, а также предоставлении экономической помощи в 500 млн долл. Индия предложить такие экономические вливания в регион попросту не могла.

В этих условиях Нью-Дели во все большей степени позиционирует себя важным политическим партнером, который, с одной стороны, является важным игроком в плане поддержания региональной безопасности, с другой — определенным противовесом Китаю и другим внерегиональным игрокам. В этом плане Индия во все большей степени закрепляется как один из значимых внешних элементов системы региональной безопасности Центральной Азии.

Роль Индии в региональной системе безопасности

Включение Индии в систему региональной безопасности Центральной Азии произошло почти сразу же после распада Советского Союза и появления в регионе независимых государств. Главным стимулом для включения Нью-Дели в региональные проблемы безопасности стали опасения по поводу возможного экспорта экстремизма из Афганистана и дестабилизации обстановки в регионе.

Эти угрозы воплотились в гражданской войне в Таджикистане, которая заставила Индию принять непосредственное участие в укреплении региональной безопасности. Индийская внешнеполитическая экспертиза и пресса приписывали гражданскую войну внешним исламистским силам, поддерживаемым афганскими моджахедами, за которыми в Нью-Дели видели враждебную руку Исламабада [Gupta, 2021]. Внешние силы использовали межрегиональное и межклановое соперничество в Таджикистане для дестабилизации страны, чтобы открыть путь экстремизму. Таким образом, вовлечение Индии в проблемы безопасности в Центральной Азии в этот период было вызвано в том числе опасениями, что Пакистан попытается усилить свое влияние в регионе или способствовать его дестабилизации. Эти опасения только усиливались в связи с обретением Пакистаном ядерного статуса в 1998 г.

Таджикистан в этот период стал ключевым партнером Индии в области безопасности и в каком-то плане плацдармом для вовлечения Нью-Дели в качестве элемента региональной безопасности. Индия активно сотрудничала с правительством Таджикистана в области подготовки вооруженных сил и сил правопорядка. В этот период рассматривался вопрос о создании в Таджикистане первой зарубежной военной базы Индии [Dutta, 2021], которая могла бы не только содействовать укреплению безопасности страны и региона в целом, но и стать своего рода индийским военным аванпостом в Центральной Азии. Свидетельством тому является двустороннее оборонное соглашение, подписанное между Индией и Таджикистаном в 2002 г. [Ramachandran, 2006]. В рамках данного соглашения Индия осуществила ремонт военного аэродрома Айни, который рассматривался

Нью-Дели в качестве возможного опорного пункта для собственного постоянного военного присутствия (в конечном счете от этой идеи отказались). Нью-Дели также оказывал материальную и материально-техническую помощь Северному альянсу, которая направлялась через Таджикистан [Gupta, 2021].

Военное сотрудничество Индии с другими странами региона было более ограниченным и преимущественно сконцентрированным на сфере военно-технического сотрудничества (главным образом — приобретении у стран Центральной Азии образцов советского вооружения) и сотрудничестве в области военного образования и подготовки. К настоящему моменту Индия стала одним из ведущих внерегиональных экспортеров военного образования.

В 2010-е гг. на фоне общей активизации центральноазиатского направления политики Индии произошло расширение сотрудничества стран региона по линии военных связей и партнерства в области безопасности. Институционализируя свое присутствие в регионе, Индия подписала меморандумы о взаимопонимании (МОВ) и соглашения, касающиеся обороны и военно-технического сотрудничества, с Казахстаном, Кыргызстаном и Туркменистаном. В 2011 г. Индия провела первые в истории совместные с Кыргызстаном военные учения «Ханджар» [Antonov, 2023]. В 2016 г. Индия также провела свои первые совместные армейские учения с Казахстаном «Прабал Достык», в 2018 г. переименованные в KAZIND (до пандемии проводились ежегодно) [PIB Delhi, 2022]. В 2018 г. подразделение Вооруженных сил Казахстана также прошло подготовку по проведению миротворческих операций в Индии, с последующим развертыванием в составе индийского батальона в рамках миротворческой миссии в Ливане [Yergaliyeva, 2020].

Расширяя участие Индии в поддержании региональной безопасности, в Нью-Дели руководствовались несколькими соображениями. Прежде всего, опасность вызывала растущая исламская радикализация. Так, по ряду оценок, после начала гражданской войны в Сирии и провозглашения «Исламского государства» (ИГИЛ, признано террористической организацией и запрещено в РФ) в его ряды вступили несколько тысяч выходцев из Центральной Азии, от 2000 до более 4000 человек [Малышев, 2017]. Поражение ИГИЛ и потеря им контроля над территориями на Ближнем Востоке вызывали опасения, что теперь боевики могут вернуться в свои родные страны и составить основу террористических ячеек на местах.

Особенные опасения вызывали перспективы подъема радикализма на фоне свертывания американского присутствия в стране с неизбежной перспективой дестабилизации в Афганистане. В этих условиях Индия стремилась превентивно нарастить свое участие в обеспечении региональной безопасности и стать одной из опор системы безопасности в Центральной Азии. Перспективы развития ситуации в регионе рассматривались в Нью-Дели через призму гражданской войны в Таджикистане, в прекращение которой Индия была непосредственно вовлечена в 1990-е гг.

Вторым стимулом для наращивания вовлечения Индии в региональное сотрудничество в сфере безопасности было и остается соперничество с Китаем [Wani, 2020], в меньшей степени — с другими внерегиональными игроками. В ус-

ловиях очевидного отставания Нью-Дели в области экономического сотрудничества, партнерство в сфере безопасности остается главным политическим козырем Индии в плане утверждения своего регионального присутствия. Это определяет высокую заинтересованность Нью-Дели в развитии самых различных форматов международной кооперации в области безопасности.

Включение Индии в состав ШОС институционализовало ее статус важного элемента системы региональной безопасности Центральной Азии. Одновременно с этим, как было указано выше, Индия развивала и двусторонние форматы сотрудничества, а также многосторонний диалоговый формат со странами региона под своей эгидой.

Таким образом, включенность Индии в систему региональной безопасности протекает на трех уровнях:

1) двусторонние связи с отдельными странами региона, которые включают в себя политический диалог, а также военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в области подготовки военных кадров, военного образования;

2) формат «Индия—Центральная Азия», включающий специальное диалоговое измерение на уровне секретарей советов безопасности / советников по национальной безопасности, позволяющий вести диалог по безопасности в регионе в целом;

3) Шанхайская организация сотрудничества, включающая помимо стран Центральной Азии две другие ведущие державы — Россию и Китай, а также Иран и Пакистан. Таким образом, это наиболее широкий диалоговый формат, позволяющий обсуждать проблемы региональной безопасности с привлечением практически всех соседей и всех ведущих игроков;

В перспективе следует ожидать дальнейшей интеграции Индии в качестве внешнего, но важного элемента системы безопасности Центральной Азии. При этом будет расти и роль Центрально-Азиатского региона в обеспечении безопасности самой Индии. Речь идет не только о ставшей уже традиционной проблеме распространения терроризма и экстремизма, тесно связанной с политическим настоящим и будущим Афганистана. Центральная Азия уже объективно стала важным источником энергетических и иных ресурсов, и данная роль будет расти по мере расширения потребностей индийской экономики в сырье. В случае реализации крупных транспортно-логистических проектов, таких как транспортный коридор «Север—Юг» и ТАПИ, значимость региона для Нью-Дели только вырастет.

Все это потребует дальнейшего повышения уровня вовлеченности Индии в региональные процессы, связанные с вопросами безопасности. Оно может протекать по двум основным направлениям: дальнейшей институционализации присутствия Индии в регионе через многосторонние структуры и углублению двусторонних связей и сотрудничества по проблемам безопасности.

Дальнейшая институционализация Индии как значимого игрока в сфере региональной безопасности подразумевает выстраивание и укрепление связей с теми многосторонними институтами безопасности, которые пока остаются вне поля активной деятельности Нью-Дели. Единственным значимым форматом безопасности такого рода остается Организация Договора о коллективной безо-

пасности (ОДКБ), с которой у Индии нет проработанной формулы взаимодействия. При этом с обеих сторон существует запрос на разработку такой формулы и создание механизмов сотрудничества. Так, назначенный в 2022 г. послом России в Индии Д. Алипов заявил о желательности вовлечения Индии в сотрудничество с ОДКБ как одной из ключевых структур по обеспечению безопасности в регионе Центральной Азии, рассматриваемом Нью-Дели в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики [Деловой совет по сотрудничеству с Индией, 2020]. Это заявление вызвало позитивный отклик в индийском экспертном сообществе.

Вместе с тем следует признать, что в Нью-Дели на данный момент нет понимания, какую конкретную форму это сотрудничество могло бы принять. В сложившихся условиях инициатива по его развитию может лечь на саму Организацию. При этом оно может развиваться по нескольким направлениям.

Во-первых, путем создания программы сотрудничества «ОДКБ—Индия» в военно-образовательной сфере, которая является одной из сильных сторон Нью-Дели и традиционной формой сотрудничества на двусторонней основе. Площадкой для такого взаимодействия может стать Академия ОДКБ, на базе которой возможно как проведение отдельных семинаров и мероприятий, так и создание целой программы по привлечению внешних военных специалистов из стран, не входящих в ОДКБ, прежде всего Индии.

Во-вторых, возможно развитие диалога по «второму треку» на уровне экспертного сообщества. Опорными базами для такого диалога могли бы стать специально назначенные научно-экспертные институты стран-членов ОДКБ (по аналогии с соответствующей системой, действующей внутри ШОС) и соответствующая организация или пул организаций с индийской стороны. Такой формат, во-первых, обеспечил бы хорошую базу для дальнейшего сотрудничества уже на более высоких уровнях. Во-вторых, способствовал бы вовлечению индийской экспертизы в проблематику ОДКБ и сделал бы Организацию более заметной на «радаре» индийской внешнеполитической экспертизы.

В-третьих, целесообразно проведение совместных учений, либо, как минимум, привлечение индийских представителей в качестве наблюдателей на военно-тренировочные мероприятия ОДКБ.

Возможно также расширение сотрудничества в формате «Индия—ОДКБ» и на базе других многосторонних форматов. Например, весьма целесообразным представляется проведение совместного двойного саммита ШОС и ОДКБ, что позволит сформировать синергетический эффект от институциональной связи двух организаций со схожей повесткой. Наглядным прецедентом является вполне успешное проведение двойного саммита «ШОС—БРИКС» в 2015 г. в Уфе.

Дальнейшее углубление двусторонних контактов, по-видимому, будет идти по пути расширения военно-технических и военно-образовательных связей, повышения масштаба и характера совместных учений, а также других сфер военной кооперации. Вместе с тем возможности расширения сотрудничества в сфере «жесткой безопасности» все же остаются ограниченными. Несмотря на периодически возникающую дискуссию такое резкое повышение военно-политического присутствия Индии, как создание военной базы, сегодня на повестке дня не сто-

ит. По-видимому, не стоит ожидать и прямой вовлеченности Нью-Дели в случае дестабилизации ситуации в Афганистане — оно, как и в 1990-е гг., будет носить опосредованный характер.

Однако Индия может играть гораздо более существенную роль в области нетрадиционной безопасности. Связанные с усилением этой роли инициативы, хотя и имеющие ограниченный успех, ранее уже имели место — в частности, программы в области здравоохранения («Одна Земля, одно здоровье»), актуальные в период пандемии. Не меньшим потенциалом обладают и возможности Индии в области информационной безопасности, которые могут быть реализованы как на многосторонней (в рамках ШОС, в том числе — создаваемого Центра информационной безопасности), так и на двусторонней основе. Наконец, большим потенциалом обладает индийский опыт в области развития и борьбы с бедностью. Все эти возможности способны сделать Нью-Дели важным игроком в сфере социальной безопасности, а также обеспечить его существенный вклад в поддержание социально-экономического развития и стабильности Центральной Азии.

Библиографический список

Anon. ЕАЭС исследует перспективы создания зоны свободной торговли с Ираном. URL: <https://www.interfax.ru/business/486811> (дата обращения: 21.08.2023).

Antonov M. На фото: Индия и Кыргызстан проводят десятые совместные учения с кинжалом. URL: <https://www.vzglyad.kg/%D0%BD%D0%B0-%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE-%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D0%BA%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%82-%D0%B4%D0%B5/> (дата обращения: 21.08.2023).

Гарбузарова Е.Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности. Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 1(10). С. 26—36.

Деловой совет по сотрудничеству в Индии. Посол России заявил о заинтересованности Индии в более плотном взаимодействии с ОДКБ. URL: <https://russiaindiabusiness.com/ru/posol-rossii-zayavil-o-zainteresovannosti-indii-v-bolee-plotnom-vzaimodejstvii-s-odkb/> (дата обращения: 21.08.2023).

Захаров А.Н., Посохина А.Г., Поляков В.А. Внешняя торговля Индии и стран Центральной Азии // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 12. С. 85—97.

Искакова Г.К. Региональная безопасность в Центральной Азии и стратегии России, США и Китая // Politbook. 2014. № 4. С.8—51.

Казатомпром. Казатомпром поставит в Индию 5000 тонн урана URL: <http://www.atominfo.ru/news/s0288.htm> (дата обращения: 21.08.2023).

Кокошин А.А., Кокошина З.А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии // Современная Европа. 2022. № 6. С.126—139.

Мальшев Д.В. Сирийский кризис и угроза радикализации Центральной Азии // Проблемы европейской безопасности. 2017. № 2. С. 66—102.

Муратшина К.Г. Страны Центральной Азии и расширение ШОС // Известия АлтГУ. 2018. № 5(103). С. 114—118.

Мухидинова Е. Индийский фактор в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2015. № 8(278). С. 44—62.

Новости Ассоциации. ЕАЭС и Индия создадут зону свободной торговли. URL: <https://www.eaab.ru/tpost/8k8tc7vg21-caes-i-indiya-sozdadut-zonu-svobodnoi-to> (дата обращения: 21.08.2023).

Правительство России. Марат Хуснуллин: Грузопоток по международному транспортному коридору «Север—Юг» к 2030 г. может вырасти до 35 млн тонн. URL: <http://government.ru/news/48506/> (дата обращения: 21.08.2023).

Сериков Д. Индия может увеличить закуп урана из Казахстана. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/indiya-mozhet-uvelichit-zakup-urana-iz-kazahstana> (дата обращения: 21.08.2023).

Щедров И.Ю. Первый саммит Индия—Центральная Азия: начало новой политики в регионе? URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-indiya-tsentrallynaya-aziya-nachalo-novoy-politiki-v-regione> (дата обращения: 21.08.2023).

Burna-Asefi S.N. India's Plan to Realize TAPI. URL: <https://thedi diplomat.com/2022/04/indias-plan-to-realize-tapi/> (дата обращения: 21.08.2023).

Charan J. India's 'connect Central Asia' Policy And Prime Minister Narendra Modi's Diplomacy. *The Indian Journal of Political Science*. 2015. Vol.76, No.3. Pp.686—689.

Chaudhury D.R. S Jaishankar backs Chabahar for Eurasian Connectivity; Pakistan roots for CPEC. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/s-jaishankar-backs-chabahar-for-eur-Asian-connectivity-pakistan-roots-for-cpec/articleshow/93220720.cms?from=mdr> (дата обращения: 21.08.2023).

Dutta P.K. Taliban situation triggers debate on India's airbase in Tajikistan. URL: <https://www.indiatoday.in/world/story/taliban-afghanistan-indian-air-force-iaf-airbase-tajikistan-gissar-military-aerodrome-ayni-1850209-2021-09-07> (дата обращения: 21.08.2023).

Ghosh B. India's look North Policy to Connect Central Asia Policy: A Pragmatic Policy of Indian Foreign Policy. *Khazanah Sosial*. 2022. No.1. 24 p.

Government of India Ministry of External Affairs. Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/#:~:text=India's%20Connect%20Central%20Asia%20Policy,our%20traditional%20relationship%20with%20Russia> (дата обращения: 21.08.2023).

Gupta P.K. Situating Tajikistan in India's Central Asia Policy: A Strategic Dimension. *Electronic Journal Of Social And Strategic Studies*. 2021. Vol. 2. Pp. 64—76.

Mehdudia S. TAPI project will be the new Silk Route, says Deora. URL: <https://www.thehindu.com/business/Economy/TAPI-project-will-be-the-new-Silk-Route-says-Deora/article15589321.ece> (дата обращения: 21.08.2023).

Mishra A. Central Asian Diplomacy In India's Foreign Policy: The Modi Phase. *The Indian Journal of Political Science*. 2015. Vol. 76, No. 3. Pp. 690—692.

Pant H.V. India's Struggle Within The SCO. URL: <https://www.orfonline.org/research/indias-struggle-within-the-sco/> (дата обращения: 21.08.2023).

PIB Delhi. Indo-Kazakhstan Joint Military Exercise “Kazind — 2022” to Commence at Umroi (Meghalaya). URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1883520> (дата обращения: 21.08.2023).

Putz C. TAPI, Turkmenistan, and the Taliban. URL: <https://thedi diplomat.com/2021/11/tapi-turkmenistan-and-the-taliban/> (дата обращения: 21.08.2023).

Ramachandran S. India's foray into Central Asia. URL: https://web.archive.org/web/20060819190609/http://atimes.com/atimes/South_Asia/HH12Df01.html (дата обращения: 21.08.2023).

The Prime Minister of India. PM inaugurates 6th Edition of One Earth One Health — Advantage Healthcare India 2023. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pm-inaugurates-6th-edition-of-one-earth-one-health-advantage-healthcare-india-2023/ (дата обращения: 21.08.2023).

Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India Natural Gas Pipeline Project, Phase 3. URL: <https://www.adb.org/projects/44463-013/main> (дата обращения: 21.08.2023).

UNTC. 16. Customs Convention on the International Transport of Goods under Cover of TIR Carnets (TIR Convention). URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XI-A-16&chapter=11&clang=_en (дата обращения: 21.08.2023).

Wani A. India and China in Central Asia: Understanding the new rivalry in the heart of Eurasia. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-and-china-in-central-asia-understanding-the-new-rivalry-in-the-heart-of-eurasia-61473/> (дата обращения: 21.08.2023).

Warikoo K. Central Asia and South Asia: Opportunities and Challenges. *India Quarterly*. 2016. Vol. 72, No. 1. Pp. 1—15.

Yergaliev A. Kazakhstan Trains Fifth Peacekeeping Unit For UN Mission in Lebanon. URL: <https://astanatimes.com/2020/11/kazakhstan-trains-fifth-peacekeeping-unit-for-un-mission-in-lebanon/> (дата обращения: 21.08.2023).

References

Anon. The EAEU is exploring the prospects for creating a free trade zone with Iran. URL: <https://www.interfax.ru/business/486811> (accessed: 21.08.2023).

Antonov M. In the photo: India and Kyrgyzstan conduct tenth joint dagger exercises. URL: <https://www.vzglyad.kg/%D0%BD%D0%B0-%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE-%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D0%BA%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%82-%D0%B4%D0%B5/> (accessed: 21.08.2023).

Burna-Asefi S.N. India's Plan to Realize TAPI. URL: <https://thedi diplomat.com/2022/04/indias-plan-to-realize-tapi/> (accessed: 21.08.2023).

Charan J. India's 'connect Central Asia' Policy And Prime Minister Narendra Modi's Diplomacy. *The Indian Journal of Political Science*. 2015. Vol. 76, No. 3. Pp.686—689.

Chaudhury D.R. S Jaishankar backs Chabahar for Eurasian Connectivity; Pakistan roots for CPEC. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/s-jaishankar-backs-chabahar-for-eurasian-connectivity-pakistan-roots-for-cpec/articleshow/93220720.cms?from=mdr> (accessed: 21.08.2023).

Delovoi sovet po sotrudnichestvu v Indii. Russian Ambassador declared India's interest in closer cooperation with the CSTO. URL: <https://russiaindiabusiness.com/ru/posol-rossii-zayavil-o-zainteresovannosti-indii-v-bolee-plotnom-vzaimodejstvii-s-odkb/> (accessed: 21.08.2023).

Dutta P.K. Taliban situation triggers debate on India's airbase in Tajikistan. URL: <https://www.indiatoday.in/world/story/taliban-afghanistan-indian-air-force-iaf-airbase-tajikistan-gissar-military-ae-rodrome-ayni-1850209-2021-09-07> (accessed: 21.08.2023).

Garbuzarova E.G. US policy in Central Asia: phases of activity. *Problems of the post-Soviet space*. 2023. No. 1(10). Pp. 26—36.

Ghosh B. India's look North Policy to Connect Central Asia Policy: A Pragmatic Policy of Indian Foreign Policy. *Khazanah Sosial*. 2022. No. 1. 24 Pgs.

Government of India Ministry of External Affairs. Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India–Central Asia Dialogue. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/#:~:text=India's%20Connect%20Central%20Asia%20Policy,our%20traditional%20relationship%20with%20Russia> (accessed: 21.08.2023).

Gupta P.K. Situating Tajikistan in India's Central Asia Policy: A Strategic Dimension. *Electronic Journal Of Social And Strategic Studies*. 2021. Vol.2. Pp.64—76.

Iskakova G.K. Regional security in Central Asia and the strategies of Russia, the USA and China. *Politbook*. 2014. No. 4. Pp. 8—51.

Kazatomprom. Kazatomprom to supply 5,000 tons of uranium to India. URL: <http://www.atominfo.ru/news/s0288.htm> (accessed: 21.08.2023).

Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. On the main directions of the US foreign policy strategy in Central Asia. *Modern Europe*. 2022. No. 6. Pp. 126–139.

Malyshev D.V. The Syrian Crisis and the Threat of Radicalization in Central Asia. *Problems of European security*. 2017. No. 2. Pp. 66–102.

Mehdudia S. TAPI project will be the new Silk Route, says Deora. URL: <https://www.thehindu.com/business/Economy/TAPI-project-will-be-the-new-Silk-Route-says-Deora/article15589321.ece> (accessed: 21.08.2023).

Mishra A. Central Asian Diplomacy In India's Foreign Policy: The Modi Phase. *The Indian Journal of Political Science*. 2015. Vol. 76, No. 3. Pp.690–692.

Mukhidinova E. Indian Factor in Central Asia. *Russia and the Muslim world*. 2015. No. 8(278). Pp. 44–62.

Muratshina K.G. The countries of Central Asia and the expansion of the SCO. *Journal of AltSU*. 2018. No. 5(103). Pp. 114–118.

Novosti Associacii. EAEU and India will create a free trade zone. URL: <https://www.eaab.ru/tpost/8k8tc7vg21-eaes-i-indiya-sozdadut-zonu-svobodnoi-to> (accessed: 21.08.2023).

Pant H.V. India's Struggle Within The SCO. URL: <https://www.orfonline.org/research/indias-struggle-within-the-sco/> (accessed: 21.08.2023).

PIB Delhi. Indo-Kazakhstan Joint Military Exercise “Kazind — 2022” to Commence at Umroi (Meghalaya). URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1883520> (accessed: 21.08.2023).

Pravitelstvo Rossii. Marat Khusnullin: Freight traffic along the international transport corridor “North-South” by 2030 can grow to 35 million tons. URL: <http://government.ru/news/48506/> (accessed: 21.08.2023).

Putz C. TAPI, Turkmenistan, and the Taliban. URL: <https://thediplomat.com/2021/11/tapi-turkmenistan-and-the-taliban/> (accessed: 21.08.2023).

Ramachandran S. India's foray into Central Asia. URL: https://web.archive.org/web/20060819190609/http://atimes.com/atimes/South_Asia/HH12Df01.html (accessed: 21.08.2023).

Schedrov I.Y. The first India-Central Asia summit: the beginning of a new policy in the region? URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-indiya-tsentralynaya-aziya-nachalo-novoy-politiki-v-regione> (accessed: 21.08.2023).

Serikov D. India can increase the purchase of uranium from Kazakhstan. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/indiya-mozhet-uvelichit-zakup-urana-iz-kazahstana> (accessed: 21.08.2023).

Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India Natural Gas Pipeline Project, Phase 3. URL: <https://www.adb.org/projects/44463-013/main> (accessed: 21.08.2023).

UNTC. 16. Customs Convention on the International Transport of Goods under Cover of TIR Carnets (TIR Convention). URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtidsg_no=XI-A-16&chapter=11&clang=_en (accessed: 21.08.2023).

Wani A. India and China in Central Asia: Understanding the new rivalry in the heart of Eurasia. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-and-china-in-central-asia-understanding-the-new-rivalry-in-the-heart-of-eurasia-61473/> (accessed: 21.08.2023).

Warikoo K. Central Asia and South Asia: Opportunities and Challenges. *India Quarterly*. 2016. Vol. 72, No. 1. Pp. 1–15.

Yergaliev A. Kazakhstan Trains Fifth Peacekeeping Unit For UN Mission in Lebanon. URL: <https://astanatimes.com/2020/11/kazakhstan-trains-fifth-peacekeeping-unit-for-un-mission-in-lebanon/> (accessed: 21.08.2023).

Zakharov A.N., Posokhina A.G., Polyakov V.A. Foreign trade of India and the countries of Central Asia. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2018. No. 12. Pp. 85–97.